

М. Л. ГОФМАНЪ

НЕИЗДАННЫЯ РУКОПИСИ ПУШКИНА

**ИЗЪ ТРУДОВЪ ПУШКИНСКАГО ДОМА
ПРИ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ**

Небольшое, но очень цѣнное собраніе автографовъ Пушкина, принадлежавшее Великому Князю Константину Константиновичу, до сихъ поръ не было доступно изслѣдователямъ жизни и творчества Пушкина, и только немногіе варианты, въ видѣ исключенія, проникали въ литературу о Пушкинѣ. Бывшему президенту Академіи Наукъ автографы Пушкина были переданы П. В. Жуковскимъ, сыномъ знаменитаго поэта и друга Пушкина. Другая часть автографовъ Пушкина, остававшихся у В. А. Жуковскаго, была подарена А. Ѳ. Онѣгину, остальная же часть — передана Б. В. Жуковскимъ Л. Н. Майкову въ Публичную Библіотеку, при чемъ П. В. Жуковскій выразилъ свое желаніе и надежду на то, что эта часть перейдетъ въ Пушкинскій Домъ при Россійской Академіи Наукъ, когда идея Пушкинскаго Дома — Пантеона новой русской литературы — будетъ осуществлена.

Богатое пушкинское наслѣдіе В. А. Жуковскаго снова сосредоточивается въ одномъ мѣстѣ — въ музеѣ имени Пушкина — въ Пушкинскомъ Домѣ: по договору, заключенному въ 1909 году А. Ѳ. Онѣгинымъ и Россійской Академіей Наукъ, весь исключительно цѣнный и интересный пушкинскій музей А. Ѳ. Онѣгина, перешелъ въ собственность Пушкинскаго Дома; въ Пушкинскій же Домъ перешло и

пушкинское собраніе в. к. Константина Константиновича, оставленное имъ Пушкинскому Дому по завѣщанію, равно какъ и обширное Майковское собраніе.

Пушкинское собраніе в. к. Константина Константиновича впервые публикуется нами. Повторяемъ, если оно не велико количественно, то его качественная цѣнность очень высока. Значеніе этого собранія — не въ новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ стихотвореніяхъ Пушкина (въ собраніи имѣется всего одна неизданная эпиграмма Пушкина), а въ томъ, что для нѣкоторыхъ посмертныхъ пьесъ Пушкина это собраніе даетъ возможность установить точный, безспорный текстъ и рѣшить нѣкоторые спорные вопросы пушкиновѣдѣнія. Едва ли не болѣе увлекательна для читателя другая сторона: собраніе К. Р. въ нѣкоторыхъ случаяхъ раскрываетъ тайну творчества Пушкина, вводитъ въ его работу. Мы присутствуемъ при зарожденіи творческаго момента, творческой мысли и явственно осязаемъ ее и пути ея выраженія, ея исканія и достиженія, мы приобщаемся къ творчеству Пушкина, и это приобщеніе, давая радость, приближая насъ къ Пушкину, въ то же время даетъ лучшіе способы постиженія его творческой мысли.

Мы располагаемъ собраніе пушкинскихъ рукописей въ хронологическомъ порядкѣ, выдѣливъ особенно эпиграмму — двустихіе, не входившую доселѣ въ полное собраніе сочиненій Пушкина.

1. (НЕИЗДАННАЯ ЭПИГРАММА).

Покойникъ, авторъ сухощавый,
Писалъ для денегъ, пилъ изъ славы.

Обстоятельства написанія этой эпиграммы остались нами до сихъ поръ невыясненными, время же — осень 1828 года — опредѣляется тѣмъ, что оно записано на черновикъ пьесы «Чернь» (въ то время называвшейся «Ямбомъ»).

2. МУЗА

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила,
Она трествольную цѣвницу мнѣ вручила,
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка —
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И Гимны важные, любимые Богами,
И пѣсни мирныя веселыхъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилѣжно я внималъ урокамъ дѣвы тайной —
И, радуя меня наградою случайной,
Разкинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала
И, дивно оживленъ божественнымъ дыханьемъ,
Тростникъ меня томилъ святымъ очарованьемъ...

1821
Февр 14

Такъ Пушкинъ переписалъ начисто свою «Музу» съ тетради, находящейся нынѣ въ Румянцевскомъ Музеѣ, но тотчасъ же внесъ исправленія въ 7-ой, 11-ый и 14-ый стихи:

- 7: И пѣсни легкія веселыхъ пастуховъ...
11: Откинувъ локоны отъ милаго чела...
14: Тростникъ меня плѣнялъ святымъ очарованьемъ...

Печатая это стихотвореніе, Пушкинъ вновь переработалъ его и измѣнилъ слѣдующіе стихи:

- 2: И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила...
6-7: И гимны важные, внутренне богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ...
13-14: Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

3. ЯМБЪ

Procul este, profani.

Поэтъ по лирѣ вдохновенной
Рукой разсѣянной бряцалъ.
Онъ пѣлъ — а хладный и надменный
Народъ, вокругъ него стѣсненный,
Ему безсмысленно внималъ.
И толковала чернь тупая:
— О чемъ такъ звучно онъ поетъ?
Невольню чувство увлекая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
Зачѣмъ брэнчить? Чему насъ учить?
Зачѣмъ сердца волнуешь, мучить,
Какъ своенравный чародѣй?
Игра его звучна, свободна,
За то какъ вѣтръ она бесплодна,
Какая польза намъ отъ ней? —

ПОЭТЪ

Молчи, безсмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ земныхъ заботъ! —
Молчи, смири свой ропотъ дерзкій —
Ты червь земли, не сынъ небесъ;
Глядя на мраморъ бельведерскій,
Ты бѣ оцѣнить его на вѣсъ¹⁾.
Но мраморъ сей, вѣдь, Богъ — такъ что же
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь;
Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

ЧЕРНЬ

Нѣтъ, если ты Боговъ избранникъ,
Свой даръ божественный, посланникъ,
Во благо намъ употребляй —
Сердца собратьевъ исправляй —

¹⁾ Въместо этихъ двухъ стиховъ Пушкинъ сперва началъ писать слѣдующіе:

Тебѣ все пользы бы — на вѣсъ
Его торгуешь.

Мы малодушны, мы коварны,
Безумны, злы, неблагоприятны.
Мы скупы, жадны, мы глупцы,
Рабы, тираны, подлецы,
Гнѣзятся клубомъ въ насъ пороки —
Такъ разточай же, насъ любя,
Сладкорѣчивые уроки,
А мы послушаемъ тебя. —

ПОЭТЪ

Подите прочь — какое дѣло
Поэту мирному до васъ? —
Въ развратѣ каменѣйте смѣло,
Не оживить васъ лиры гласъ:
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, залоры, топоры —
Довольно съ васъ: Поэтъ ли будетъ
Возиться съ вами сгоряча
И лиру праздную забудетъ
Для гнусной розги палача!
Ему ль казнить, клеймить безумныхъ?
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ, похвальный трудъ —
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Ужель метлу жрецы берутъ? —
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ
Мы рождены — для вдохновенья,
Для дивныхъ звуковъ и молитвъ.

Таково первоначальное чтеніе «Черни», первый слой рукописи, которая содержитъ тутъ же и значительную переработку. Приводимъ ее по отдѣльнымъ стихамъ.

4-ый стихъ исправленъ сперва — «К р у г о м ъ народъ
н е п о с в я щ е н н ы й», затѣмъ —

В д а л и народъ непосвященный . . .

- 7: Зачѣмъ такъ сладко онъ поеть?
— послѣ: Зачѣмъ такъ звучно онъ поеть?..
- 8: Напрасно ухо поражая...
- 10: О чемъ бренчить? чему насъ учить?...
- 13: Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
- 14: За то какъ вѣтеръ и бесплодна...
- 17: Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!—
- 18: Смири, потомъ: Несносенъ мнѣ
«твой» ропотъ дерзкій...
- 20-21: Корыстью дышешь ты — На вѣсь
Кумиръ ты цѣнишь бельведер-
скій..

26: Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ...

31-37: Безстыдны, злы, неблагодарны,
Мы сердцемъ [слабые] хладные
скопцы,

Рабы, грабители, глупцы,
Гнѣзятся клубомъ въ насъ пороки.
Ты можешь, ближняго любя,
[Намъ расточать свои]
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы слушаемъ тебя. —

41: Не поразить васъ лиры гласъ... —

Вставленъ риѣмующій съ 42. стихъ:

Душѣ противны вы, какъ гробы —

46: сперва —

Казнить безумство съ горяча,

— потомъ поэтъ возвратился къ первоначальному чте-
нію.

47: И лиру гордую забудеть...

51: Сметаютъ соръ, полезный трудъ —

54: Жрецы ль у васъ метлу берутъ —

58: Для думъ, для звуковъ и молитвъ.

✱

Печатая свою пьесу (подъ заглавіемъ «Чернь»), Пушкинъ вновь измѣнилъ слѣдующіе стихи (любопытно отмѣтить, что часто одни и тѣ же стихи подвергались многократнымъ измѣненіямъ — знакъ того, что они или привлекали своею важностью особое вниманіе поэта или не удовлетворяли поэта, не удавались ему):

4: Кругомъ народъ непосвященный...¹⁾

20: Тебѣ бы пользы все — на вѣсь...

22-24: переставлены.

33: Клеветники, рабы, глупцы...

41: Не оживитъ васъ лиры гласъ...²⁾

44: Бичи, темницы, топоры... —

Вмѣсто пяти стиховъ (45—49):

Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ...

58: Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.



Эта рукопись представляетъ тѣмъ болѣе интересъ, что она является единственной рукописью «Черни».

4. АНЧАРЪ — ДРЕВО ЯДА

It is a poison tree, that pierced
to the inmost
Weeps only tears of prison
Coleridge.

Въ пустынь мрачной и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ бодрый часовой,
Стоитъ одинъ во всей вселенной.



¹⁾ Возвращеніе къ зачеркнутому исправленію.

²⁾ Возвращеніе къ первоначальному чтенію.

Природа пламенныхъ степей
Его въ день гнѣва породила, ¹⁾
И жилы тощія вѣтвей ²⁾
И корни ядомъ напоила. —

*

Ядъ каплетъ сквозь его кору, ³⁾
Къ полудню разтопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру ⁴⁾
Густой, прозрачною смолою. —

*

Кругомъ нѣтъ жизни — все молчить,
Недвижно все — лишь вихорь черный
На древо яда налетитъ
И мчится прочь уже тлетворный —

*

Лишь мимоходомъ ороситъ
Случайно листъ его висящій
И дождь ужъ каплетъ ядовитъ
Съ его вѣтвей въ песокъ горящій.

*

И тигръ, въ пустыню забѣжавъ,
Въ мученьяхъ быстрыхъ издыхаетъ;
Паря надъ ней, орелъ стремглавъ,
Кружась, безжизненный спадаетъ. ⁵⁾

*

Но человекъ человекъ
Послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ,

¹⁾ Пушкинъ первоначально записалъ этотъ стихъ иначе: „Его въ день гнѣва напоила...“

²⁾ Первоначально: И жилы тощія корней...

³⁾ „ Ядъ каплетъ сквозь кору его...“

⁴⁾ „ Густой, прозрачною смолою
И стынетъ зноемъ ввечеру —“

Первый изъ этихъ стиховъ подвергался многократнымъ исправленіямъ: „Разтопленный отъ зноя“, „Разтопленный дыханьемъ зноя“, „Дыханьемъ разтопясь отъ зноя“.

⁵⁾ Эту строфу Пушкинъ началъ записывать такъ:

Въ его пустыню забѣжавъ,
Гонимый тигръ... умираетъ

И тотъ послушно въ путь потекъ
И къ ночи возвратился съ ядомъ.

*

Принесъ анчарную смолу
Да вѣтвь съ увядшими листьями,
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями.

*

Принесъ и скоро изнемогъ,
И легъ на поспланные лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго Владыки.

*

А Князь тѣмъ ядомъ напоилъ
Свои догадливыя стрѣлы
И смерть пернатую пустилъ
Къ сосѣду, въ чуждые предѣлы.

9 Ноября
1828
Малинники.

Эта рукопись «Анчара» представляетъ вторую стадію творческой работы Пушкина (первую даетъ черновая рукопись, находящаяся въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ). Приводимъ исправленія, сдѣланныя Пушкинымъ въ рукописи:

Въ первой строфѣ:

Въ пустыгѣ чахой и скупой,
На почвѣ, зноемъ разкаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ одинъ во всей вселенной. —

Во второй строфѣ:

И жилы мощныя вѣтвей...

Въ четвертой:

На древо смерти налетитъ...

Многократнымъ измѣненіямъ подвергался первый стихъ пятой строфы: «Да, развѣ туча оросить», «Блуждая туча - ль оросить», и, наконецъ: «Да, развѣ туча - ль оросить».

Слѣдующую — шестую — строфу поэтъ зачеркнулъ и измѣнилъ седьмую:

Но человѣка человѣкъ
Послалъ въ пустыню властнымъ взглядомъ,
И тотъ поутру въ путь потекъ
И на ночь возвратился съ ядомъ...

Измѣненъ былъ и первый стихъ восьмой строфы:

Принесъ онъ смертную смолу...

Поэтъ началъ, но не окончилъ исправленіе девятой строфы, и измѣнилъ риѳмы въ заключительной, десятой строфѣ:

А Князь тѣмъ ядомъ упиталъ
Свои догадливыя стрѣлы
И смерть пернатую послалъ
Къ сосѣдямъ, въ чуждые предѣлы...



Печатаемая «Анчара», Пушкинъ вновь измѣнилъ слѣдующія строфы:

2: Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мертвую вѣтвей
И корни ядомъ напоила...

4: Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ; лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ
И мчится прочь уже тлетворный...

5: И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій...

Шестая строфа восстановлена въ первоначальномъ чтеніи (кромѣ исправленнаго послѣдняго стиха: «И къ утру возвратился съ ядомъ»).

8: Принесъ — и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша на лыжи,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго Владыки...

9: А Князь тѣмъ ядомъ наплатъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослатъ
Къ сосѣдямъ, въ чуждые предѣлы.

Пушкинъ печаталъ (въ изд. 1832 г.) «А князь...», то же самое мы имѣемъ и въ рукописи, и этотъ фактъ, казалось бы, свидѣтельствуемъ о томъ, что это чтеніе является единственно правильнымъ. Между тѣмъ въ цензурномъ экземпляръ изданія 1832 года (перешедшемъ изъ Пушкинскаго Музея Александровскаго Лицея въ Пушкинскій Домъ) первый стихъ заключительной строфы переписанъ иначе —

А Царь тѣмъ ядомъ наплатъ...

и въ силу цензурныхъ требованій исправлено — «А князь...»

Объ «Анчарѣ» и его источникахъ существуетъ обширная литература. Существуютъ предположенія, что Пушкинъ вдохновился какимъ-нибудь путешествіемъ по востоку или Байрономъ. Вопросъ этотъ просто разрѣшается нашей рукописью. Пушкинъ эпиграфомъ указываетъ самъ источникъ своего вдохновенія — англійскаго поэта Кольриджа, и этотъ источникъ какъ разъ и былъ внѣ поля зрѣнія изслѣдователей — пушкинистовъ.

5. ОТВѢТЪ КАТЕНИНУ

Напрасно, пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
И выпить на здоровье просишь!
Не пью, любезный мой сосѣдъ,
Товарищъ милый и лукавый:
Твой кубокъ полонъ не виномъ,
Но упоительной отравой,
Онъ заманить меня тайкомъ
Тебѣ во слѣдъ опять за славой.
Не такъ ли опытный Гусарь,
Вербуя рекрута, подноситъ
Ему веселый Вакховъ даръ,
Пока воинственный угаръ
Его на мѣстѣ не подкоситъ?
Я самъ служивый — мнѣ домой
Пора убраться на покой!
Останься ты въ строяхъ Парнасса,
Предъ дѣломъ кубокъ осушай
И лавръ Корнеля или Тасса
Одишь съ похмѣлья пожинай.

10 ноября.

1828

Малинники.

Отличія печатнаго текста отъ этой чистовой рукописи
незначительны:

- 3: И выпить за здоровье просишь...
- 5: Товарищъ милый, но лукавый...
- 8: Онъ заманить меня потомъ...
- 12: Ему веселый Вакха даръ...
- 18: Предъ дѣломъ кубокъ наливай...

6. (МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКѢ)

Казбекъ! твой царственный шатеръ
Горитъ восточными лучами.
Онъ отъ всего семейства горъ
Одинъ златыми облаками

Какъ будто стражей окружень:
 И монастырь, уединень,
 Носимый будто ихъ грядою,
 Какъ малый видится ковчегъ,
 Плывущий тихо надъ землею —
 О пристань, о желанный берегъ!..
 Туда бѣ въ заоблачную келью.
 Туда бѣ въ сосѣдство неба мнѣ. .
 Сказать прощай земли ущелью
 И тамъ исчезнуть въ вышинѣ.

20 сеп(тября 1829).

Таковъ первоначальный, столь непохожий на окончательный, видъ пьесы «Монастырь на Казбекѣ». Переписавъ его въ такомъ видѣ съ неизвѣстнаго намъ черновика, Пушкинъ началъ отдѣлку отдѣльныхъ стиховъ и строфъ:

5: «Какъ свѣтлой стражей окружень», «Какъ стражей неба окружень», и наконецъ, — «Какъ свѣтлой стражей отделенъ»:

Особенно большой двукратной переработкѣ подверглись 6—9 стихи:

1-ая: Тамъ монастырь, уединень,
 (Надъ ихъ блестящею чредою),
 (Несомый будто ихъ струями)
 Несомый будто ихъ крылами,
 Какъ малый зрится тамъ ковчегъ,
 (Плывущий въ небѣ надъ горами)
 Плывущий зрится надъ горами...

2 ая: (Тамъ) (И) Тамъ монастырь, уединень,
 (Несомъ ихъ свѣтлою грядою),
 Несомый будто ихъ грядою,
 Не обитаемый ковчегъ
 Парящимъ зрится надъ землею...

10-ый стихъ измѣненъ такъ:

Далекій, вожденный берегъ...

Послѣдніе два стиха (13—14) Пушкинъ сперва переставилъ, затѣмъ зачеркнулъ ихъ и предыдущій и замѣнилъ ихъ слѣдующими тремя стихами:

Въ сосѣдствѣ (неба) Бога, въ вышинѣ,
Туда бѣ, туда бѣ сокрыться мнѣ.
Сказавъ прости земли ущелью!..

Такимъ образомъ пѣса въ рукописи получила слѣдующій окончательный видъ:

Казбекъ! твой царственный шатеръ
Горитъ восточными лучами.
Онъ отъ всего семейства горъ
Одинъ златыми облаками,
Какъ свѣтлой стражей, отделенъ.
Тамъ монастырь, уединенъ,
Несомый будто ихъ грядою,
Необитаемый ковчегъ
Парящимъ зрится надъ землею.
Далекій, возжеланный брегъ!...
Туда бѣ въ заоблачную келью,
Въ сосѣдствѣ Бога, въ вышинѣ,
Туда бѣ, туда бѣ сокрыться мнѣ,
Сказавъ прости земли ущелью!..



Но и въ такомъ видѣ пѣса въ рукописи значительно отличается отъ печатной редакціи, которую, для сравненія, приводимъ ниже:

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКѢ

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный надъ горами...

Далекій, возжелѣнный брегъ!
Туда бѣ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ:
Туда бѣ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога, скрыться мнѣ...

7. ОТРЫВОКЪ

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла.
Шумить Арагва предо мною...
Мнѣ грустно и легко, печаль моя свѣтла,
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... упынья моего
Ничто не мучить, не тревожить,
И сердце вновь горитъ и любитъ... отъ того,
Что не любить оно не можетъ.

1829

Кавказъ.

Текстъ рукописи совпадаетъ съ печатнымъ текстомъ.

8. КУМИРЪ НАПОЛЕОНОВЪ

Напрасно видишь тутъ ошибку:
Рука искусства навела
На мраморъ этихъ устъ улыбку
И гнѣвъ на хладный лоскъ чела.
Кумиръ недаромъ двуязыченъ:
Таковъ и былъ сей властелинъ —
Къ противучувствіямъ привыченъ,
Въ лицѣ и въ жизни Арлекинъ.

21 сент.

Въ рукописи измѣнено заглавіе — «Къ Бюсту Завоевателя» — и 4-ый и 5-ый стихи:

А гнѣвъ на хладный лоскъ чела.
(Сей ликъ) Недаромъ ликъ сей двуязыченъ...

Пушкинъ не печаталъ вовсе этого стихотворенія; оно было впервые напечатано по этой рукописи П. В.

Impulso

Ma domniazda Ippia supas norocul suba
 Muzica Apotei spud unora
 Sub orizontu a ceru, neralt sub elipse
 Merale sub, noua metode
 Modoi, adua pdoi... ynkiala uocou
 Harpa de acyraf, de Ippiboppe
 U efdre burti apof u... assefap .. of pro
 Pate de uodof una de uodof

1829
Kalmay

de Ippiboppe
de Ippiboppe

Harpa de uodof Ippia v...
 Fina uingemba kabela
 Ma supanoz ofudo yof yubedfy
 U suba de xadabiu uocou uocou
~~Harpa~~ Medapoua Iby assefap
 Manou uokar in b...
 Ko apome by yof. Iby assefap
 Ko uocou a yozan Apicauy

21 sup.



Анненковымъ въ «Матеріалахъ для біографіи А. С. Пушкина» (стр. 215) подъ заглавіемъ «Передъ бюстомъ» и съ ошибкой въ первомъ стихѣ («Напрасно видятъ тутъ ошибку»). Благодаря тому, что П. В. Анненковъ не указалъ заглавій этого стихотворенія («Кумиръ Наполеоновъ» и «Къ Бюсту Завоевателя»), то догадки нашихъ изслѣдователей о томъ, что это стихотвореніе представляетъ эпиграмму на Александра I, перешла въ совершенную увѣренность, и такъ именно это стихотвореніе и комментируется во всѣхъ полныхъ собраніяхъ сочиненій Пушкина. Такъ, напр., у П. О. Морозова мы читаемъ слѣдующій комментарий къ этой пьесѣ:

«Передъ Бюстомъ (стр. 115) Анн., Мат., 215. Объ этомъ бюстѣ, какъ украшающемъ одну изъ залъ Имп. Публ. Библ., см. Бартенева, Пушк., I, 201. Бюстъ изваянь Торвальдсеномъ въ 1818 г., во время открытія перваго Варшавскаго сейма (когда въ Россіи уже пользовался полной силой Аракчеевъ): прекрасный лобъ съ морщиною, а на устахъ привѣтливая екатерининская улыбка». Любопытно, что П. И. Бартеневъ, высказавшій догадку, что эпиграмма направлена на Александра I, видѣлъ рукопись и привелъ изъ нея заглавіе — «къ Бюсту Завоевателя».

9. (СТАНСЫ)

Кружусь ли я въ толпѣ мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой,
Но мысль о смерти неизбѣжной
Вездѣ близка, всегда со мной.

Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: «Патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ моихъ отцовъ.» —

Ласкаю ль слабаго младенца,
Ужъ говорю ему: «прости!»

Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ скоро тлѣть, тебѣ цвѣсти». —

День каждый, каждую минуту
Привыкъ я думой ¹⁾ провожать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ гробъ пошлетъ судьбина —
Въ постелѣ, въ полѣ иль въ волнахъ,
Или любимая долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ!

Вотще! Судьбы не переспорить
Ни скорбь, ни смѣхъ, ни суета,
Но душу не вотще знакомить
Съ могилой важная Мечта.

А. П.

Такой видъ первоначально имѣли знаменитые «Стансы»: «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ». Записавъ ихъ въ такомъ видѣ, Пушкинъ началъ переработку по строфамъ и измѣнилъ —

во второй строфѣ:

4-й: Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

въ третьей:

Младенца милаго ласкаю,
Уже я думаю: «прости!...
Тебѣ я мѣсто уступаю,
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти...»

въ пятой:

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина —
(Въ краю ли чуждомъ иль въ волнахъ),
Въ краю далекомъ иль въ волнахъ,
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ!

¹⁾ Первоначально: Я эту.

Крылато-му 2 элемент, аконичево
похвало-то ахъвоуеблин' дикон' -

Но убиле / и ижеина нисъгъвоуе!
Биде дикон', биде евоуе

Терпел на дрѣ ивоуеубе!
и убиле наусъгъвоуе убиле

Менуеубе мѣ блѣ убѣдѣ
Касе реуеубе: ^{он блѣ} ~~убиле~~ ивоуе -

Касеубе мѣубе: мѣубеубе мѣубе
и ^{убиле} ~~убиле~~ ивоуе: ивоуеубе

Мѣубе мѣ и убиле ивоуеубе

Мѣубе ^{убиле} мѣубе, мѣубе ивоуеубе -

- Дѣубе мѣубе, мѣубеубе мѣубе

Мѣубеубе ^{убиле} ивоуеубе

Мѣубеубе мѣубе мѣубеубе
убиле мѣубе
Мѣубеубе мѣубе.

~~Мѣубе~~ мѣубе мѣубе мѣубе
убиле мѣубе мѣубе мѣубе
Мѣубе мѣубе, мѣубе мѣубе мѣубе

Мѣубе ^{убиле} мѣубе мѣубе
Мѣубе мѣубе мѣубе мѣубе

Мѣубе: мѣубе мѣубе мѣубе

~~Мѣубе~~ мѣубе мѣубе мѣубе

Мѣубе мѣубе мѣубе мѣубе
Мѣубе мѣубе мѣубе мѣубе
Мѣубе мѣубе мѣубе мѣубе

Началъ поэтъ перерабатывать и послѣднюю—шестую— строфу («Но не вотще меня знакомить Съ могилой ясна я мечта), но перечеркнулъ ее и вмѣсто нея написалъ слѣдующія двѣ заключительныя строфы:

Хотя безчувственному тѣлу
Равно повсюду изгнѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бѣ хотѣлось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

А. П.

28 дек.
1829
С. П. Б.
3 часа 5 м.

На этомъ, однако, не закончилась работа Пушкина: поэтъ перечеркнулъ первую строфу и вмѣсто нея написалъ карандашомъ новыя двѣ:

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ

И говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь не видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ въ подземныя своды
И чей нибудь ужъ близокъ часъ.

★

Въ такомъ видѣ пьеса уже мало отличается отъ печатной редакціи «Стансовъ»:

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу-ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: «Промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчныя своды
И чей нибудь ужъ близокъ часъ».

Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: «Патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ».

Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: «Прости!
«Тебѣ я мѣсто уступаю:
«Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти».

День каждый, каждую минуту
Привыкъ я думой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ,
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хотъ безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бѣ хотѣлось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

10. СОНЕТЪ

Поэтъ, не дорожи любовію народной:
Восторговъ и похвалъ пройдетъ минутный шумъ;
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной,
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Какъ царь, живи одинъ. Ступай стезей свободной,
Куда тебя влечетъ твой дѣятельный умъ,

Твори, питая жаръ глубокихъ чистыхъ думъ,
Не требуя награды за подвигъ благородный.

Онъ въ самомъ тебѣ: ты самъ свой высшій судъ,
Всѣхъ лучше оцѣнить умѣешь ты свой трудъ,
И ты доволенъ имъ, божественный художникъ —

Такъ пусть передъ тобой, бѣснуясь, чернь кричить
И дуется на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И бѣшеной рукой колеблетъ твой треножникъ.

1 іюля 1830.

Переписавъ въ такомъ видѣ свой «Сонетъ», Пушкинъ подвергъ его переработкѣ. Отмѣтимъ сперва исправленія перомъ, а затѣмъ перейдемъ къ болѣе позднимъ исправленіямъ — карандашнымъ. Поэтъ сперва назвалъ сонетъ «Хвалы», но затѣмъ перечеркнулъ и далъ новое заглавіе — «Награды» (въ печатной редакціи — «Поэту»).

Измѣнены были стихи:

- 2: Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ...
5: Какъ царь, живи одинъ. Иди стезей свободной...

Поэтъ сперва измѣнилъ десятый стихъ — «Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ» — но затѣмъ вернулся къ первоначальному чтенію.

Интересны поиски эпитета къ слову «художникъ». Написавъ первоначально 11-ый стихъ — «И ты доволенъ имъ, божественный художникъ» — Пушкинъ замѣняетъ эпитетъ «божественный» — «увѣнчанный», «разборчивый» и, наконецъ — «взыскательный». Въ двѣнадцатомъ стихѣ измѣнена первая половина — «Пускай тогда толпа ¹⁾... Получаетъ новое чтеніе и заключительный стихъ:

И дерзкою рукой колеблетъ твой треножникъ...

¹⁾ „Пускай тогда толпа неистово кричитъ“.

Послѣ этого Пушкинъ сдѣлалъ исправленія карандашомъ, и сонетъ принялъ въ рукописи такую окончательную форму (отличія отъ печатной редакціи отмѣчаемъ курсивомъ):

СОНЕТЪ НАГРАДЫ

Поэтъ, не дорожи любовію народной:
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ;
Услышишь судъ глупца и черни смѣхъ холод-
ной, ¹⁾

Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Какъ царь, живи одинъ. Твори душой свобод-
ной,

Иди, куда влечетъ тебя твой свѣтлый умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

Онѣ въ самомъ тебѣ: ты самъ свой высшій судъ,
Всѣхъ лучшѣ ²⁾ оцѣнить умѣешь ты свой трудъ,
И ты доволенъ имъ, взыскательный художникъ —

Такъ пусть его тогда надменно чернь
хулитъ

И дуетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И съ дѣтской (рѣзвостью?) колеблетъ твой
треножникъ. —

1 іюля 1830.

11. (МАДОНА) КАРТИНА (СОНЕТЪ)

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украстить я давно желалъ мою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая мудрому рѣшенью знатоковъ.

¹⁾ Въ печатной редакціи Пушкинъ вернулся къ первоначальному чтенію.

²⁾ Пушкинъ вернулся къ зачеркнутому варианту исправленія.

О, нѣтъ! Въ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной — чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Владычица и нашъ божественный Спаситель —

— Она съ улыбкою, Онъ съ разумомъ въ очахъ —
Взирали, кроткіе во славѣ и въ вѣнцахъ,
Сидящіе въ тѣни подъ пальмою Сіона.

Исполнены мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ низпослалъ, тебя, моя Мадона,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

8 іюля.

Эта рукопись имѣетъ слѣдующія исправленія (перомъ и карандашомъ):

1: Не множествомъ картинъ безсмертныхъ
мастеровъ...

(въ печатной редакціи Пушкинъ вновь вернулся къ первоначальному чтенію — «Старинныхъ»).

2: Украсить я всегда желалъ мою обитель...

4: Внимая важному сужденію знатоковъ

5: Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ...

9-10: Взирали, кроткіе во славѣ и въ вѣнцахъ —

— Она съ улыбкою, Онъ съ разумомъ въ очахъ —

(въ печатной редакціи Пушкинъ снова переставилъ эти стихи и измѣнилъ ихъ)...

11: Одни, сидящіе подъ пальмою Сіона...

12: Таковъ я былъ въ своихъ желаньяхъ,
а Творецъ...

Гораздо ближе къ печатной редакціи записалъ Пушкинъ свой сонетъ въ альбомъ Ю. И. Бартенева (этотъ альбомъ находится также въ собраніи К. Р.).

СОНЕТЪ

Не множествомъ картинъ безсмертныхъ¹⁾ ма-
стеровъ

Украсить я давно²⁾ желалъ мою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной — чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и съ ней играющій Спаситель —

— Она съ величіемъ, онъ съ Разумомъ въ очахъ —
Взирали, кроткіе, во славъ и въ лучахъ
Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою Сіона³⁾.

Желанія мои свершились: Творецъ
Тебя мнѣ низпослалъ, тебя, моя Мадона,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

А. Пушкинъ.

30 августа 1830
Москва

въ память любезному Юрію Никитичу Бартеневу.

12.

Для береговъ чужбины дальней
Ты покидала край родной
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный...
Я долго плакалъ предъ тобой...
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать,
Лобзанье горькое разлукн
Я умолялъ не прерывать,

*

¹⁾ Отличія отъ печатной редакціи отмѣчаемъ курсивомъ.

²⁾ Въ этой редакціи Пушкинъ вновь вернулся къ первоначальному чтенію, въ печатной — къ исправленію („всегда“).

³⁾ Поэтъ первоначально записалъ (по ошибкѣ?) этотъ стихъ иначе
Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою въ Сіонѣ...

Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала,
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила — Въ день свиданья,
Подъ небомъ вѣчно голубымъ,
Въ тѣни оливъ свои лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ». —

*

Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ тѣнь оливъ легла на воды,
Ты дремлешь непробуднымъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ Урнѣ гробовой —
Но сладкій поцалуй свиданья...
Его я жду; онъ за тобой...

27 ноября
1830
Болд

Переписавъ въ такомъ видѣ начисто свое стихотвореніе, Пушкинъ сталъ исправлять его, при чемъ внесъ въ него слѣдующія измѣненія:

1-2: Для береговъ отчизны дальней
Ты покидала край чужой...

7-8: Томленье страшное разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать...

15: Въ тѣни оливъ любви лобзанья...

Исправленіе 19-го стиха осталось незаконченнымъ:

Гдѣ..... дремлютъ воды

20: Заснула ты послѣднимъ сномъ...

23-24: А съ нимъ и поцалуй свиданья...
Но жду его; онъ за тобой...

Особенное внимание нужно обратить на послѣднее исправление — заключительный аккордъ Пушкинской элегіи...

Пьеса эта при жизни Пушкина не печаталась (она появилась впервые въ 1841 году въ альманахѣ В. Владиславлева «Утренняя Заря» подъ заглавіемъ «Разлука») и никакой другой рукописи этой пьесы не сохранилось. Чтеніе альманаха вполне совпадаетъ съ чтеніемъ рукописи (19-ый стихъ, однако, исправленіе котораго осталось незавершеннымъ, въ альманахѣ читается: «Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды»). Трудно рѣшить, являются ли эти два слова «подъ скалами» редакціонной вставкой или заимствованы изъ другой, начисто переписанной рукописи Пушкина, недошедшей до насъ; осторожнѣй, какъ намъ кажется, довѣряться рукописи, чѣмъ редакціи альманаха, и поэтому слѣдуетъ возстановить этотъ стихъ по рукописи: «Гдѣ тѣнь оливъ легла на воды»). Такимъ образомъ, для этой пьесы нѣтъ другихъ источниковъ, кромѣ нашей рукописи и альманаха. И въ той и въ другой мы читаемъ послѣдніе четыре стиха такъ:

Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ Урнѣ гробовой —
А съ нимъ и поцалуй свиданья...
Но жду его; онъ за тобой...

Между тѣмъ во всѣхъ посмертныхъ изданьяхъ (начиная съ Анненковскаго) окончаніе напечатано иначе:

Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой,
Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его; онъ за тобой!..

Любопытно, что при этомъ П. В. Анненковъ оговариваетъ, что въ рукописи предпослѣдній стихъ читался: «А

съ нимъ и поцѣлуй свиданія». — Еще курьезнѣе, что послѣдующіе издатели, печатая завѣдомо неправильное чтеніе, не основанное ни на рукописи, ни на альманахѣ, увѣрены въ томъ, что точно воспроизводятъ текстъ альманаха и добросовѣстно приводятъ оговорку Анненкова. Такъ, въ примѣчаніяхъ П. О. Морозова къ этой пьесѣ читаемъ: «XXIX. Для береговъ отчизны дальней... (стр. 150) «Утренняя Заря (изд. Владиславлева) на 1841 г., подъ загл «Разлука». По свидѣтельству Анненкова, видѣвшаго подлинную рукопись ¹⁾, стихотвореніе первоначально начиналось такъ:

Для береговъ чужбины дальней
Ты покидала край родной...

«Трудно рѣшить», говоритъ Анненковъ (Мат., 189), «которая изъ двухъ редакцій ближе къ исторической истинѣ». По нашему мнѣнію, обѣ редакціи выражаютъ одно и то же: стихотвореніе вызвано воспоминаніемъ объ отъѣздѣ г-жи Ризничъ изъ Одессы въ Италію, — изъ родной поэту, но чужой для нея, Россіи въ дальнюю для него чужбину, ея отчизну.

По указанію Анненкова, предпослѣдній стихъ въ рукописи читался:

«А съ нимъ и поцѣлуй свиданья»...

13. (КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ)

vox et preterea nihil.

О чемъ шумите вы, народные Витіи?
Какой Анаемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный Судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

¹⁾ Какъ увидитъ читатель, Анненковъ видѣлъ именно нашу рукопись.

Давно, давно между собою
Враждуютъ наши племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона;
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ,
Кичливый Ляхъ или твердый Россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? вотъ вопросъ!

Оставьте насъ: вы не читали
Славянъ кровавыя скрижали,
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага,
Безмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага,
И ненавидите вы насъ....

За что жъ? отвѣтствуйте: За то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали гордой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумирь,
Что нашей кровью искупили
Европѣ вольность, честь и миръ?..

И вы грозите намъ!.. Что жъ это въ самомъ дѣлѣ?
Иль праздный Исполинъ, простертый на постелѣ,
Не въ силахъ ужъ поднять свой Измаилскій штыкъ?
Иль слово Царское для насъ уже невнятно,
Иль спорить ново намъ, а биться неприятно,
Иль русский отъ побѣдъ и свѣтлыхъ ранъ отвыкъ,
Иль мало станетъ насъ? Отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Кол-
хиды,

Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Полки стальные порождая,
Столпится Русская земля?

Такъ высылайте же, Вигіи,
Кипящей Франціи воинственныхъ сыновъ!
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи
Среди знакомыхъ имъ гробовъ!

2 авг. (1831)
С. Ц (Царское Село)

Переписавъ въ такомъ видѣ свою пьесу, Пушкинъ тотъ-
часъ же сдѣлалъ слѣдующія измѣненія:

2: За чѣмъ Анаѳемой грозите вы Россіи?...

8: Враждуютъ эти племена...

15-ый стихъ Пушкинъ сперва исправилъ — «Оставьте
ихъ: вы не читали» — но затѣмъ возстановилъ первоначальное
чтеніе.

16: Сіи кровавыя скрижали...

20-ый стихъ также былъ сперва исправленъ — «Но
суетно прельщаетъ насъ» и «Лишь суетно прель-
щаетъ васъ», но затѣмъ возстановленъ въ первоначальномъ
видѣ.

29: «И нашей кровью искупили»

31-34: И намъ они грозятъ!.. Что жъ это въ
самомъ дѣлѣ?
Иль старый Исполинъ, простертый на по-
стелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаилскій
штыкъ,
Иль Русскаго Царя ужъ (слово намъ
невнятно?)

37: Иль мало насъ? (Или) (Смотри) Или отъ Перми
до Тавриды...

41-42: Стальной щетиною сверкая,
(Не встанетъ), (воспрянетъ) Не
встанетъ Русская земля?..

43-44: Такъ высылайте жъ намъ, Вити,
Своихъ воинственныхъ сыновъ...

Печатаемая пьеса «Клеветникамъ Россіи», Пушкинъ вновь
измѣнилъ стихи:

7: Уже давно между собою...

12: Кичливый Ляхъ, или вѣрный Россъ?..

25: Мы не признали наглой воли...

31-36: Вы грозны на словѣ — попробуйте
на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на
постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой измаилскій
штыкъ?
Иль Русскаго Царя уже безсильно
слово,
Иль намъ съ Европой спо-
рить ново,
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?

(въ рукописи — Иль Русскій отъ побѣдъ и свѣтлыхъ
ранъ отвыкъ?)

44: Своихъ озлобленныхъ сыновъ...

46: Среди не чуждыхъ имъ гробовъ...

14.

Онъ между нами жилъ,
Средь племени враждебнаго; но злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлили мы и чаши, и мечтами
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И глубоко взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, разпри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.

Мы жадно слушали его. Но онъ отъ насъ
Ушелъ на западъ — и благословеньемъ
Его мы проводили. Что жъ? — теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ — и нынѣ
Проклятія намъ шлетъ и жгущимъ ядомъ
Стихи свои, въ угоду черни буйной,
Онъ наполяетъ. Издали до насъ
Доходить голосъ гнѣвнаго поэта,
Знакомый голосъ!.. Боже! низпошли
Твой миръ въ его озлобленную душу.

10 Авг.
1834
С. П. Б.

Судьба этого посланія къ Мицкевичу, искаженнаго смертными изданіями, очень интересна и на ней тѣмъ болѣе слѣдуетъ подробнѣе остановиться, что на искаженіяхъ этого посланія основано невѣрное освѣщеніе отношеній Пушкина къ польскому поэту въ 30-хъ годахъ. Исправленія Пушкина остались незаконченными, но характеръ ихъ свидѣтельствуется о томъ благожелательномъ отношеніи къ Мицкевичу, которое Пушкинъ хотѣлъ выразить въ своей пьесѣ. Приведемъ всѣ, оконченныя и неоконченныя, исправленія.

Слова «Средь племени враждебнаго» во второмъ стихѣ Пушкинъ зачеркнулъ и надписалъ «изгнанникомъ», затѣмъ карандашомъ зачеркнулъ исправленное и надписалъ «ему чужомъ» и возстановилъ слова «Средь племени»; получился стихъ съ неправильнымъ грамматическимъ согласованіемъ:

Средь племени ему чужомъ; но злобы

(Это исправленіе приходится разсматривать, какъ незаконченное, и потому въ основномъ текстѣ надлежитъ возстановить первоначальное чтеніе).

Исправлены стихи:

6: Дѣлились мы и чистыми мечтами...

8: И съ висока взиралъ на жизнь. Нерѣдко...

12: Мы жадно слушали поэта. Онъ...

3 стиха — 14—16 — Пушкинъ замѣнилъ двумя:

Его мы проводили — Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ—и ядомъ¹⁾...

Въ 19-мъ стихѣ эпитетъ «гнѣвнаго» поэта Пушкинъ сперва замѣнилъ эпитетомъ «падшаго» и наконецъ «злбнаго» поэта.

Въ 20-мъ стихѣ Пушкинъ сперва, было, измѣнилъ «Знакомый голосъ» на «Тревожный голосъ», но затѣмъ вернулся къ первоначальному чтенію, какъ вернулся къ первоначальному чтенію и въ послѣднемъ стихѣ, хотя и пробовалъ замѣнить слова «озлобленную душу» словами «встревоженную душу».

На этомъ, однако, не остановились исправленія Пушкина. Фраза «Боже! низпошли Твой миръ въ его озлобленную душу» казалась Пушкину несправедливой, и онъ началъ ее измѣнять такимъ образомъ:

Слово «низпошли» было замѣнено другимъ — «освятить» (такимъ образомъ, весь этотъ стихъ сталъ читаться: Знакомый голосъ!.. Боже! освятить...) и дальше Пушкинъ начинаетъ писать:

«Твоею правдой» — вычеркиваетъ,
«Его душѣ прекрасной» — вычеркиваетъ

и, наконецъ —

Въ немъ сердце правдою твоей и миромъ —
И возврати ему н.....

На этомъ обрывается переработка. Что Пушкинъ хотѣлъ сказать? И возврати ему ему незлобивую душу? — объ этомъ можно только догадываться, печатать же приходится (въ силу незаконченности исправленія) въ перво-

¹⁾ Стихъ „Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ — и нынѣ“ Пушкинъ сперва исправилъ „онъ нынѣ“, потомъ „и злобой“ и, наконецъ, -- „и ядомъ“ и зачеркнулъ слѣдующій.

начальной редакціи, памятуя, однако, что Пушкинъ отъ нея отъказался и памятуя слова «Его душѣ прекрасной» при интерпретаціи этого стихотворенія.

Такимъ образомъ, эта единственная чистовая рукопись посланія Пушкина къ Мицкевичу, даетъ возможность установить слѣдующее чтеніе его:

Онъ между нами жилъ,
Средь племени враждебнаго; но злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщаль бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высока взиралъ на жизнь.) Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, разпри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на Западъ — и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и ядомъ
Стихи свои, въ угоду черни буйной,
Онъ напояетъ. Издали до насъ
Доходитъ голосъ злобнаго поэта,
Знакомый голосъ!.. Боже! низпошли
Твой миръ въ его встревоженную душу.

Какъ же печатается это стихотвореніе? — По этой самой рукописи въ IX томѣ перваго посмертнаго изданія сочиненій Пушкина оно было напечатано въ такомъ видѣ:

М*.

Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужого; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщаль бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами

И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на Западъ — и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
Поетъ онъ ненависть: Издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходить къ намъ!.. О Боже! возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу.

Такъ же читается это стихотвореніе и во всѣхъ изданіяхъ...

Отличія печатнаго текста отъ рукописи столь значительны, что первое впечатлѣніе, получаемое отъ сличенія, таково: Жуковскій, очевидно, печаталъ пьесу по какому-то другому автографу. Не трудно, однако, убѣдиться въ ошибочности этого впечатлѣнія.

Разберемъ разночтенія или, правильнѣе сказать, ошибки посмертнаго изданія (а вслѣдъ за нимъ и всѣхъ изданій). Понятно разночтеніе второго стиха:

«Средь племени ему чужого; злобы»...

По всей вѣроятности, такъ исправилъ бы и самъ Пушкинъ, если бы довелъ исправленіе до конца и обратилъ вниманіе на несогласованность падежей «племени» и «ему чужомъ». Разночтеніе въ третьемъ стихѣ («онъ, мы» вмѣсто «и мы») ничѣмъ инымъ не можетъ объясняться, кромѣ обычной редакторской небрежности. Разночтеніе въ 7-омъ стихѣ («И съ высоты» вмѣсто «И съ высока») легко объясняется невнимательнымъ чтеніемъ рукописи. Исправленіе окончанія 15-го стиха — «и ядомъ» (вмѣсто первоначаль-

наго «и нынѣ») осталось очевидно неразобраннымъ, и потому редакторъ посмертнаго изданія (Жуковскій) возстановилъ зачеркнутое «И нынѣ», а потому принужденъ былъ передѣлать на свой ладъ слѣдующіе стихи (нельзя ничѣмъ «напоить» свои стихи). Слово «возврати» въ предпоследнемъ стихѣ выхвачено изъ исправленій Пушкина (но въ другомъ контекстѣ) . . .

Любопытно, что чтеніе Жуковскаго гораздо болѣе чернить Мицкевича, чѣмъ чтеніе чистового автографа. Въ то время, какъ въ печатномъ текстѣ Мицкевичъ въ своихъ стихахъ поетъ ненависть и названъ «угодникомъ черни буйной», въ рукописи (и въ черновой и въ чистовой) польскій поэтъ «въ угоду черни буйной» (что не совсѣмъ одно и то же) ядомъ напоетъ свои стихи. Точно также нельзя безъ оговорокъ возстановлять первоначально написанный заключительный стихъ, въ которомъ душа Мицкевича названа «озлобленной»: слишкомъ явно намѣреніе Пушкина отказаться отъ такой оцѣнки Мицкевича.

П. О. Морозовъ, приведя въ основномъ текстѣ чтеніе посмертнаго изданія, въ примѣчаніяхъ чернового автографа говоритъ: «Не имѣя другой рукописи, не можемъ рѣшить, напечатано ли стихотвореніе въ П о с м. изданіи въ передѣлкѣ самого П. или, быть можетъ, Жуковскаго. На вѣроятность послѣдняго предположенія какъ-будто указываютъ поправки: «чистыми мечтами», «онъ вдохновенъ былъ свыше» (любимыя выраженія Жуковскаго . . .) и общее смягченіе тона . . .» П. О. Морозовъ оказался правъ: посмертное изданіе напечатало стихотвореніе дѣйствительно «въ передѣлкѣ» Жуковскаго, но какъ разъ указанные Морозовымъ поправки принадлежатъ всецѣло Пушкину.



Въ собраніи К. Р., кромѣ чистой рукописи этой пьесы, имѣются и первоначальные, зачеркнутые наброски:

... печальнымъ

На сѣверѣ онъ гостемъ былъ, невольнымъ,
И враждовали наши племена,
Но... .. другъ другу стали мы..

У насъ онъ гостемъ былъ невольнымъ
Межъ... .. яв... .. не гостемъ... .. дружелюбнымъ,
любопытнымъ

Не любопытнымъ дружелюбнымъ пришлецомъ
Явился онъ...

мы встрѣтились
И были мы друзья,
Хоть наши племена
и враждовали,
Хоть мы...

15.

Юношу въ горькихъ слезахъ ревнивая дѣва бранила.
Къ ней на плечо преклоненъ, юноша вдругъ задремаль.

Дѣва тотчасъ умолкла, сонъ его легкій лелѣя,
И улыбалась ему, тихія слезы лія.

Въ этой пьесѣ исправленъ только первый стихъ — «Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила» (такъ она и печатается подь 1835 годомъ — произвольно).

16. ПОЛКОВОДЕЦЪ

У Русскаго Царя въ чертогахъ есть палата —
Она не золотомъ, не бархатомъ богата;
Не въ ней алмазный Скипетръ хранится за стекломъ, —
Но съ верху до низу, во всю длину, кругомъ

Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій. ¹⁾
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ Нимфъ, ни дѣвственныхъ
Мадонъ,
Ни плясокъ, ни богинь, ни флорентинскихъ женъ,
Ни фавновъ съ чашами; а все плащи да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двенадцатаго года. —
И часто въ тишинѣ межъ ими я брожу
И на знакомые ихъ образы гляжу:
Могущая семья! кровавая станица! ²⁾
Ужъ многихъ нѣтъ изъ нихъ. Другіе, коихъ лица
Еще все молоды на яркомъ полотнѣ,
Теперь состарѣлись и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой...

Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ мыслью новой
Всегда остановлюсь ³⁾ предъ нимъ — и не свожу
Съ него моихъ очей; чѣмъ долѣе ⁴⁾ гляжу,
Тѣмъ болѣе грущу душою престарѣлой. —

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ бѣлый,
Высоко лоснится. И ⁵⁾, видно, залегла
Въ немъ мысль тяжелая. Кругомъ — густая мгла,
За нимъ — военный станъ. Спокойный и угрюмый
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье —
Но Доу далъ ему и горестъ и презрѣнье.

¹⁾ Эти два стиха Пушкинъ сперва переписалъ (по ошибкѣ?) въ обратномъ порядкѣ.

²⁾ Стихъ вставленъ.

³⁾ Первоначально было „стою“.

⁴⁾ Исправлено изъ „болѣе“.

⁵⁾ Первоначально былъ „въ немъ“.

Нещастный вождь!..

Увы! суровъ былъ жребій твой.

Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой; ¹⁾
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Ты мысль великую носилъ въ душѣ великой
И лаяли невѣжды на тебя. —
И въ имени твоёмъ звукъ чуждый не влюбя,
Безсмысленный народъ, спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной головою —
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду зависти твой геній проклиналъ,
Но, крѣпкій внутреннимъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ непоколебимъ подъ общимъ поношеньемъ,
Но на по-лу пути другому, наконецъ,
Былъ долженъ уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманнй глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ укрыться одиноко
Тамъ, устарѣлый вождь! какъ ратникъ, молодой,
Искалъ ты умереть средь сѣчи боевой!
Вотще! Преемникъ твой стяжалъ успѣхъ сокрытый
Во мглѣ судьбы. — А ты непризнанный, забытый,
Винovníкъ торжества, почилъ—и въ смертнй часъ ²⁾
Съ презрѣньемъ, можетъ быть, воспоминалъ о насъ.

О люди! жалкій родъ достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники Успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Въ кого не вѣруеть слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣннй
Поэта приведетъ въ святое умиленье.

7 апр. 1835

Св. воскр.

С. П. Б.

Переписавъ въ такомъ видѣ свое стихотвореніе, Пушкинъ сталъ подвергать его отдѣлкѣ и исправилъ стихи:

3: Не въ ней алмазъ вѣнца хранится за
стекломъ...

¹⁾ Первоначально Пушкинъ началъ писать „Спасая“, „Ведя“ — народъ тебѣ чужой.

²⁾ Первоначально этотъ стихъ былъ записанъ такъ: „Почилъ — и можетъ въ смертнй часъ“.

8-9: Ни фавновъ съ чашами, ни полногру-
дыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни богинь; а все плащи, да шпаги
(перестановка)...

15: Нерѣдко медленно межъ ими я брожу...

17-18: Полуночныхъ орловъ могущая ста-
цица!
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ. Другие, коихъ
лица...

Подъ стихотвореніемъ Пушкинъ записалъ новое испра-
вленіе этихъ стиховъ въ такомъ видѣ:

И, мнится, слышу ихъ воинственные (стре-
мительные) клики —
лики —

19: Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ, —

20: Теперь состарѣлись и никнутъ въ тишинѣ

22-й стихъ былъ исправленъ дважды:

(Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ грустью
новой)...

Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой
новой»...

27-й стихъ былъ сперва измѣненъ—«Высоко и свѣтло,
и, видно залегла» — но затѣмъ восстановленъ.

Много работаетъ Пушкинъ надъ 28—29 стихами, кото-
рые приобрѣли въ рукописи такой видъ:

(нѣчто) (дума) (тяжкая) (нерзб.)

(Въ немъ) (мысль тяжелая.) Кругомъ — густая
мгла

Тамъ грусть великая

Молчить

Стоитъ * старикъ *

За нимъ военный станъ. Спокойный * и * ...

*) Зачеркнуто и вставлено

30: И, кажется, глядитъ съ презрительною думой...

31: Свою ли точно мысль художникъ изъ явилъ...

34: Но (Доу) (Dow) Доу далъ ему такое выра-
женъе...

35: О (стойкъ) вождь несчастливый!..
Суровъ былъ жребій твой...

38: Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ
мыслію великой...

Пушкинъ началъ было исправлять слѣдующій стихъ («Ты спасъ и...»), но зачеркнулъ его и написалъ новый (послѣ 39-го):

Своими криками преслѣдуя тебя...

40: Народъ, таинственно спасаемый тобою...

41-ый стихъ былъ сперва измѣненъ:

Смѣялся надъ твоей священной головою...

43: (Въ угоду глупости твой геній проклиналъ)
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ...

44-й стихъ получилъ такой видъ:

(Въ) (искуство) (вѣруя)
(И долго) — И долго (укрѣплень) и (силенъ)
(Но) (крѣпкій) (внутреннимъ) (могучимъ) убѣж-
денъемъ

И (Но вѣруя въ себя) укрѣплень...

(предъ)

45: Ты былъ неколебимъ (подъ) общимъ (поношень-
емъ)

Злобой заблужденъемъ...

53: Въ главѣ твоей. — А ты непризнанный,
забытый

Подъ стихотвореніемъ Пушкинъ записалъ вмѣсто пяти стиховъ (51—55):

Свинца веселый свистъ (за) услышавши впервой,
Бросался ты впередъ, нища желанной смерти...

Вотще...

59: Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный
вѣкъ...

Печатаю свою пьесу въ «Современникѣ» 1836 года, Пушкинъ вновь измѣнилъ нѣкоторые стихи. Приводимъ для сравненія печатную редакцію, отмѣчая курсивомъ отличія отъ послѣдняго чтенія рукописи:

ПОЛКОВОДЕЦЪ

У Русскаго Царя въ чертогахъ есть палата —
Она не золотомъ, не бархатомъ богата;
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится за стекломъ, —
Но съ верху до низу, во всю длину кругомъ
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ Нимфъ, ни дѣвственныхъ
Мадонъ,
Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ; а все плащи да шпаги,
Да лица полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики...
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой.

Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда остановлюсь предъ нимъ — и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ
голы й,

Высоко лоснится и, мнит ся, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ — густая мгла;
За нимъ,—военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ, 1)
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье —
Но Доу далъ ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньѣ шелъ одинъ ты съ мыслию великой; —
И, въ имени твоёмъ звукъ чуждый не влюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною;
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ...
И долго укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ непоколебимъ предъ общимъ заблуж-
деньемъ;

И на полупути былъ долженъ, наконецъ,
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замысль, обдуманной глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрытъ ся одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ слышавшій впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти, —
Вотще! —

— — — — —
— — — — —

О люди! Жалкій родъ достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человекъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,

1) Возвращеніе къ первоначальному чтенію.

Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣннѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

*

Мы исчерпали все собраніе Пушкинскихъ автографовъ К. Р., за исключеніемъ одного автографа — посланія къ И. Н. Козлову, фотографическаго снимка съ котораго не имѣется въ нашемъ распоряженіи, приводить же этотъ автографъ по памяти не рѣшаемся.

М. Л. Гофманъ.

О К Н О

ИЗД. М. и М. ЦЕТЛИНЪ

Ш

ИВ. БУНИНЪ, ЗИН. ГИЩІУСЪ, М. Л. ГОФ-
МАНЪ, МИХ. ОСОРГИНЪ, ТЭФФИ, ИВ. ШМЕЛЕВЪ.
Стихи: АМАРИ, К. БАЛЬМОНТЪ, ИВ. БУНИНЪ,
ГЛЪБЪ СТРУВЕ, М. ЦВЪТАЕВА.

3 снимка съ рукописей Пушкина.

П А Р И Ж Ъ

**Librairie „Au Sans-Pareil“, 37,
ав. Kléber, Paris.**